

**ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ**

БЕЛИКОВ А.М. (САРАТОВ)

**МОГЛИ ЛИ ФИВЫ БЫТЬ СТОЛИЦЕЙ АХХИЯВЫ?
(ЭТНИКОН *MI-RA-TI-JO*
В НОВЫХ ФИВАНСКИХ ТАБЛИЧКАХ)***

На научной конференции «Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики», проходившей в Казани 5–7 октября 2006 г., один из крупнейших отечественных специалистов по хеттологии – А.А. Немировский выступил с докладом: «Где была столица Аххиявы? “Письмо Тавагалавы” и политические центры Микенской Греции», в котором выдвинул интересное предположение о том, что беотийские Фивы были столицей могущественного государства Аххиява, находившегося на Балканах и известного нам по хеттским клинописным текстам. Тезисы этого доклада были впоследствии опубликованы в сборнике материалов конференции¹. Расширенный вариант был выложен автором на форуме его собственного сайта «Удел Могултая» (www.wirade.ru) 5 июня 2007 г.²

В своей работе А.А. Немировский отмечает, что великая держава Аххиява – держава ахейских греков, располагавшаяся на дальнем заморском западе от Хатти, могла быть лишь чем-то вроде

---

* Автор выражает благодарность преподавателю классической филологии и лингвистики Кембриджского университета (Selwyn College), доктору Р. Томпсону, аспиранту Саратовского государственного университета, стипендиату DAAD В.А. Леусу, сотруднице Библиотеки Академии Наук (г. Санкт-Петербург) А.С. Цинько и своему научному руководителю профессору д.и.н. В.И. Кашееву, которые обеспечили его необходимой литературой.

¹ Немировский А.А. Где была столица Аххиявы? «Письмо Тавагалавы» и политические центры Микенской Греции // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции 5–7 октября 2006 г. М., 2006. С. 335–338. Предположение, что Фивы были столицей Аххиявы, в недавнее время неоднократно высказывалось и в западной историографии. См. напр.: *Latacz J. Troy and Homer. Oxf., 2004. P. 242–245; Niemeier W.-D. Hattusa und Ahhijawa im Konflikt um Millawanda/Milet // Die Hethiter und ihr Reich. Stuttgart, 2002. S. 295 (non vidi)* и др.

² <http://wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=anc;action=display;num=1181053488>.

конфедерации царств и племен под верховенством одного из центров ахейского мира, и пытается определить, где именно он мог находиться. В Хатти до конца XIII в. до н.э. за царями Аххиявы признавался статус «великих царей» того же ранга, что и хеттские (см., например: «Письмо о Тавагалаве»), однако при Тудхалиасе IV положение дел меняется. В черновой таблице договора Тудхалиаса с одним из его вассалов, царем сирийского владения Амурру, Саускамувой сначала заявлялось: «Вот цари, которые мне (Тудхалиасу) равны, – царь Египта, царь Вавилонии, царь Ассирии и царь Аххиявы», – но затем упоминание царя Аххиявы в этом перечне было отчетливо вычеркнуто. Таким образом, к моменту оформления этого черновика в хеттском отношении к Аххияве произошло резкое изменение: она была исключена из списка великих держав, равных Хатти, и с этого времени к правителям из Аххиявы хетты применяют лишь термины «царь страны Аххиява» или даже «человек из страны Аххия»³.

Автор рассматривает материалы хетто-митанно-ассирийских взаимоотношений и выясняет правила, которыми хеттские цари руководствовались при признании или непризнании кого-либо «великим царем». По его мнению, причиной вычеркивания царей Аххиявы из списка великих царей, равных Тудхалиасу IV, могло быть только падение той самой династии или того центра, с которым хетты связывали государственность / «великоцарственность» Аххиявы, гибель или распад соответствующей державы⁴.

Далее А.А. Немировский анализирует «Письмо о Тавагалаве», написанное поколением ранее Тудхалиаса IV, при его отце – Хаттусилесе III, и выясняет, что некто Тавагалава, занявший часть Ликии и потребовавший, чтобы хеттский царь признал его своим вассалом, приходится родным братом царю Аххиявы. Таким образом, автор приходит к выводу, что в сер. XIII в. до н.э. (при Хаттусилесе III) у царя Аххиявы есть брат «Тавагалава» (т.е. ахейск. *Этевоклеас, Этеокл), который не имеет никакого титула и почему-то не живет в Аххияве, а вместо этого старательно добывает себе

³ Немировский А.А. Указ. соч. С. 335–336.

⁴ Там же. С. 336.

особое царство в Азии. А примерно через поколение (при Тудхалиасе IV) династия, представленная этими братьями, погибла или пала и ее держава перестала существовать (что нашло свое отражение в соскаблывании названия Аххиявы в черновике договора с Амурру). Автор сравнивает изображенную выше ситуацию с имеющимся в древнегреческом эпосе сюжетом о братьях-наследниках фиванского престола, Полинике и Этеокле, которые вместо того, чтобы разделить власть в рамках обычной для «героического века» диархии братьев и править совместно, поделили власть по-иному: каждый должен был править в Фивах год, а потом уступать место брату, причем в год правления одного брата, как можно усмотреть из сравнения разных версий этой истории, второй пребывал на чужбине. Усобица между братьями привела к их взаимному убийству, а еще через поколение, в результате продолжившей борьбу братьев деятельности эпигонов, Фивы погибли и были покинуты населением. По мнению автора и по хронологии и по содержанию эта история полностью совпадает с историей Аххиявы XIII в. до н.э., что позволяет соотнести ее центр именно с Фивами, а крах Аххиявы, явствующий из хеттских источников – с их катастрофой, известной по эпосу⁵.

Это предположение весьма любопытно, однако в данной статье будет сделана попытка пересмотреть выводы А.А. Немировского, проанализировав случаи употребления этникона *mi-ra-ti-jo* – «милетянин» в табличках линейного письма В, найденных в 1993–95 гг. на улице *Pelopidou* в Фивах⁶. Данный этникон встречается семь раз в табличках серии *Fq*, которые являются списками получателей какого-то злака (ячменя или пшеницы), обозначаемого идеограммой HORDEUM (далее HORD.). Серия *Fq* представляют собой 126 фрагментов более крупных табличек, имевших форму страницы (треть из которых содержат всего лишь один или два знака)⁷. По разным оценкам, первоначальное число целых нефрагментиро-

---

⁵ Немировский А.А. Указ. соч. С. 337–338.

⁶ Эти находки были опубликованы в 2001 г.; см: AGS, passim.

⁷ James S. The Thebes Tablets and the *Fq* Series: A Contextual Analysis // *Minos*. 2006. Vol. 37–38. P. 399.

ванных табличек могло составлять 13⁸ или же 15–18⁹. По всей видимости, они относятся к самому концу Позднеэладского IIIb 2 периода (ок. 1190 г. до н.э.)¹⁰.

Необходимо отметить, что таблички серии *Fq* были опубликованы относительно недавно, и окончательная и общепризнанная оценка содержащихся в них данных еще не дана. Издатели корпуса новых фиванских табличек (V. Aravantinos, L. Godart, A. Sacconi – далее *AGS*) выдвинули предположение о религиозном характере этих записей. Основой для него стало отождествление часто встречающегося в этих записях сочетания знаков *ta-ka* с M̄q̄ Γ̄q̄ – «Матери Земле» (*dat. sing.*)¹¹. Это сочетание знаков встречается также в Кносской табличке *F* (1) 51, по-видимому, в религиозном контексте. Божество *ta-ka*, по мнению издателей, должно соответствовать богине Деметре I тыс. до н.э. Данное отождествление повлекло за собой серию религиозных интерпретаций лексики, имеющейся в табличках, например: *o-po-re-i* обозначает Зевса¹², *ko-wa* – соответствует дочери Деметры богине Коре (Κόρφα, поздн. Κόρη)¹³ и т.д.¹⁴

⁸ James S. Op. cit. P. 399.

⁹ Palaima T.G. *65 = FAR? or ju? and Other Interpretative Conundra in the New Thebes Tablets // Die neuen linear-B Texte aus Thebes. Wien, 2006. P. 143–144. По мнению Т. Палаймы, серия *Fq* представляет собой ежедневные (одна табличка соответствует одному дню) записи за половину месяца.

¹⁰ James S. Op. cit. P. 398. Дата приведена по работам: Bennet J. The Aegean Bronze Age // The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World. Cambr., 2007. P. 178; Shelmerdine C. W. Review of Aegean Prehistory VI: The Palatial Bronze Age of the Southern and Central Greek Mainland // AJA. 1997. Vol. 101. No. 3. P. 541.

¹¹ Встречается у Эсхила в *Suppl.* 890–892.

¹² *AGS* сопоставляют *o-po-re-i* с редким эпитетом Зевса, известным по одной из беотийских надписей (SIG. VII. № 2733). Однако Т.Г. Палайма и Ж.-Л. Гарсия Рамон считают эту интерпретацию неприемлемой, рассматривая это сочетание знаков как антропоним. См.: Palaima T.G. [Rev.:] Aravantinos V., Godart L., Sacconi A. Thèbes: Fouilles de la Cadmée I. Les tablettes en linéaire B de la Odos Pelopidou. Édition et commentaire. Pisa; Rome, 2001 // *Minos.* 2002. Vol. 35–36. P. 479.

¹³ Однако часто встречающееся в корпусе надписей Линейного письма В слово *ko-wa* повсеместно обозначает девочек, еще не ставших взрослыми.

¹⁴ *AGS.* P. 317–325.

Интерпретации издателей были поддержаны таким крупным исследователем, как К. Рюйх¹⁵.

Однако предположение о религиозном характере фиванских документов и предложенные AGS интерпретации подверглись критике сразу вскоре после издания корпуса¹⁶. В частности, один из наиболее последовательных критиков AGS – Т. Г. Палайма отмечает, что в новых фиванских текстах отсутствует богатый набор имен божеств, встречающихся в табличках Линейного письма В как из самих Фив, так и из других микенских центров, а также хорошо известная терминология, связанная с религиозными приношениями и жертвами¹⁷. Для сочетания знаков – *ma-ka* = Mâ Gâ, краеугольного камня интерпретации AGS, были предложены иные объяснения. Оно могло обозначать персонифицированное божество войны Мάχα, либо же абстрактное божество замешивания теста или обработки зерна Μαγά¹⁸, антропоним Μάλκα(ς) или Μαργά¹⁹, наконец, *nomen actionis* μαγά – «для замешивания (теста)» (от глагола μάσσω – «мять», «месить»)²⁰. Последнее предположение представляется наиболее вероятным, поскольку вполне соответствует контексту таб-

¹⁵ Ruijgh C.J. [Rev.:] *Aravantinos V., Godart L., Sacconi A.* Thèbes: Fouilles de la Cadmée I. Les tablettes en linéaire B de la Odos Pelopidou. Édition et commentaire. Pisa/Rome, 2001 // *Mnemosyne*. 2003. Vol. 56. Fasc. 2. P. 219–228; *idem.* À propos des nouvelles tablettes de Thèbes, I: Les trois divinités *ma-ka*, *o-pore-i* et *ko-wa* et les trois subordonnées temporelles de la série Fq // *Mnemosyne*. 2004. Vol. 57. Fasc. 1. P. 1–44.

¹⁶ *Kyriakidis E.* [Rev.:] *Aravantinos V., Godart L., Sacconi A.* Thèbes: Fouilles de la Cadmée I. Les tablettes en linéaire B de la Odos Pelopidou. Édition et commentaire. Pisa/Rome, 2001 // *JHS*. 2003. Vol. 123. P. 197–198; *Palaima T. G.* [Rev.:] *Aravantinos V., Godart L., Sacconi A.* Thèbes: Fouilles de la Cadmée ... // *Minos*. 2002. Vol. 35–36. P. 475–486; *idem.* [Rev.:] *Aravantinos V., Godart L., Sacconi A.* Thèbes: Fouilles de la Cadmée I... // *AJA*. 2003. Vol. 107. No. 1. P. 113–115; *idem.* Reviewing the New Tablets from Thebes // *Kadmos*. 2003. Bd. 42. Nr. 1. S. 31–38. См. также материалы коллоквиума, посвященного новым находкам Линейного письма В из Фив, проходившего в Вене 5–6 декабря 2002 г.: *Die neuen linear-B Texte aus Thebes*. Wien, 2006.

¹⁷ *Palaima T.G.* [Rev.:] *Aravantinos V., Godart L., Sacconi A.* Thèbes: Fouilles de la Cadmée ... // *Minos*. 2002. Vol. 35–36. P. 480.

¹⁸ *Ibid.* P. 481.

¹⁹ *Melena J.L.* *Textos griegos micénicos comentados*. Vitoria–Gasteiz, 2001. P. 50 (*non vidi*).

²⁰ *Palaima T.G.* Reviewing the new Tablets from Thebes. P. 35.

лички ТН *Fq* 254+255²¹. В своей недавней статье в журнале *Kadmos*²² И. Дюу убедительно доказывает, что сочетание знаков, употребленное в религиозном контексте в кносской табличке *F* (1) 51, представляет собой не *ma-ka*, а *ma-qe* и наносит, таким образом, серьезный удар по интерпретации AGS.

Итак, содержание серии *Fq* следует, по всей видимости, признать светским и рассматривать данные таблички как обычные списки выдачи продовольственных пайков, если руководствоваться тем принципом интерпретации, который Т.Г. Палайма предложил для фиванского материала на венском коллоквиуме в 2002 г.: «избегать сенсационного и странного и отдавать предпочтение простому и обычному»²³.

Сочетание знаков *mi-ra-ti-jo* встречается в семи фиванских табличках: *Fq* 177, *Fq* 198, *Fq* 214, *Fq* 244, *Fq* 254+255, *Fq* 269, *Fq* 276, и представляет собой форму *dat. sing. masc.* тематического склонения. Мы также сталкиваемся с формой этого слова, обозначающей группу работниц в шести пилосских табличках: *mi-ra-ti-ja – nom. pl. fem.* (*Aa* 798, *Aa* 1180, *Ab* 382²⁴, *Ab* 573) и *mi-ra-ti-ja-o – gen. pl. fem.* (*Ad* 380, *Ad* 689). В настоящий момент транслитерация *mi-ra-ti-ja* как *milātiai* – «милетянки», является общепризнанной, а соседство данной группы женщин в серии *A* с другими группами, имеющими совершенно отчетливую связь с Малой Азией (например, с *ki-ni-di-ja* – кидянки, *ra-mi-ni-ja* – лемнианки и т.д.), позволяет считать местом их проис-

²¹ Транслитерация:

1. *de-qo-no HORD T 1 V 2 Z 3 o-te, a-pi-e-qe ke-ro-ta*
2. *pa-ta, ma-ka HORD T 1 V 2 Z 2 ...*

Перевод Т. Палаймы:

1. For the *dinner* BARLEY 14 liters when were brought into attendance all
2. the elders for *kneading* BARLEY 13.6 liters...

1. (Для обеда – 14 л. ячменя, когда были доставлены все
2. старейшины. Для замешивания (теста) – 13.6 л.ячменя ...).

²² *Duhoux I.* Adieu au *ma-ka* cnoisien: Une nouvelle lecture en KN F 51 et ses consequences pour les tablettes linéaire B de Thèbes // *Kadmos*. 2006. Bd. 45. Nr. 1. S. 1–19.

²³ *Palaima T.G.* *65 = FAR? or *ju?* and Other Interpretative conundra in the New Thebes Tablets. P. 140.

²⁴ В табличке *Ab* 382 мы, по всей видимости, сталкиваемся с ошибкой писца – *mi-ra-ti-ra*.

хождения малоазийский Милет²⁵. Однако отождествление *mi-ra-ti-jo* с этниконом, обозначающим жителя ионийского Милета, нуждается в некоторых пояснениях. В античности мы находим, по меньшей мере, пять географических объектов с названием «Милет»:

1) знаменитый город в Ионии (Μίλητος, дор. Μίλατος, эол. Μίλλατος, лат. Miletus);

2) город на северо-восточном побережье Крита;

3) город в Мизии, о котором сообщает Плиний (Plin. *NH.* V.30.32);

4) город в Пафлагонии, обозначенный на карте Певтингера (*Tabula Peutingeriana*);

5) местность (τόπος) на Самосе (*Schol. in Rhod.* 186)²⁶.

Микенскому *Milātos могут соответствовать лишь первые два Милета, поскольку из пяти перечисленных географических объектов только критский и ионийский города существовали в позднем бронзовом веке²⁷, причем отождествление ионийского города с микенским топонимом представляется наиболее вероятным, поскольку мы не находим название *Milātos в кносском архиве линейного письма В. По подсчетам Дж. Беннета, в кносских текстах есть 103 топонима (из них 24 представляют собой скорее места с какими-то специализированными функциями, например, храмы или свящи-

²⁵ См., напр.: Killen J. The Subjects of the Wanaks: Aspects of Mycenaean Social Structure // *Ancient Greece from Mycenaean Palace to the Age of Homer*. Edinburgh, 2006. P. 187–190; Palaima T. Ilios, Tros and Tlos // ΣΤΕΦΑΝΟΣ ΑΡΙΣΤΕΙΟΣ: Archäologische Forschungen zwischen Nil und Istros. Festschrift für Stefan Hiller zum 65. Geburtstag. Wien, 2007. S. 199; Казанскене В.П., Казанский Н.Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л., 1986. С. 181 и др. Однако С.Я. Лурье не признавал эту интерпретацию, считая, что *mi-ra-ti-ja* обозначает какую-либо профессию, см.: Лурье С. Я. Язык и культура Микенской Греции. М.; Л., 1957. С. 282; *его же*. К вопросу о характере рабства в Микенском рабовладельческом обществе // ВДИ. 1957. № 2. С. 18–20.

²⁶ Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1875. S. 925. По сообщению Стефана Византийского (*Ethn.* 453.5–6), остров Калипсо также назывался Милетом.

²⁷ О критском Милете в позднем бронзовом веке см.: Kanta A. The Late Minoan III period in Crete; a Survey of Sites, Pottery and Their Distribution. Göteborg, 1980. P. 125–128 (*non vidi*); Пенделберу Дж. Археология Крита. М., 1950. С. 269–272, 283. Об ионийском Милете см., напр.: Greaves A. Miletos: A History. L.; N. Y., 2002. P. 47–65.

лица, нежели населенные пункты)²⁸. Среди всех этих топонимов мы не найдем ни одного, который мог бы соответствовать мик. *Milātos, хотя северо-восток острова, по всей видимости, контролировался кносской администрацией²⁹. Таким образом, этникон *mi-ra-ti-jo* может относиться лишь к жителю малоазийского Милета.

Остается только догадываться о том, каким образом этот милетянин оказался в Фивах и какие функции он выполнял. Отсутствие указания на профессиональные занятия этого человека мешает нам сделать какие-либо конкретные предположения о его социальном статусе. Тот факт, что для его обозначения используется этникон – *mi-ra-ti-jo*, свидетельствует о наличии малого числа людей, происходивших из Милета и игравших важную социальную роль с точки зрения фиванской бюрократии. Этноним может быть использован в архиве линейного письма В как личное имя только в том случае, если число его носителей совсем небольшое, иначе он теряет свою функцию опознания и различения³⁰. Наличие этников, которые используются для обозначения отдельных получателей HORD. в табличках серии *Fq*, может свидетельствовать о существовании в Фивах четко сформулированной социальной идеологии этнической дифференциации: для фиванской бюрократии конца XIII в. до н.э. было важно, с одной стороны, обозначить происхождение иноземцев, с другой – подчеркнуть местное происхождение ряда лиц, упомянутых в табличках (ср., напр.: *au-to-te-qa-jo* – *Autothēqaiōi*, поздн. *Ἀὐτοθηβαίω*, или *te-qa-jo-i* – *thēqaiōihī*, поздн. *Θηβαίους*)³¹.

С. Джеймс, которая недавно подробно исследовала структуру текста в табличках серии *Fq*, отмечает, что отдельные реципиенты HORD. имеют тенденцию получать одно и то же его количество всякий раз, когда они встречаются в табличках этой серии (для *mi-ra-ti-*

²⁸ *Bennet J.* The Structure of the Linear B Administration in Knossos // *AJA.* 1985. Vol. 89. No. 2. P. 233–235.

²⁹ *Idem.* Knossos in Context: Comparative Perspectives on the Linear B Administration of LM II – III Crete // *AJA.* 1990. Vol. 94. No. 2. P. 208.

³⁰ *Efkleidou K.* Slavery and Dependent Personnel in the Linear B Archives of Mainland Greece. Thesis. Cincinnati, 2004. P. 190.

³¹ *Ibid.* P. 192.

jo, например, оно достаточно маленькое, и составляет $Z 1$, т.е. 0.4 л.). К тому же обозначения получателей появляются, как правило, приблизительно на одном и том же месте (для *mi-ra-ti-jo* это 10. – 12. линии табличек). По всей видимости, количество HORD., выдаваемое отдельным получателям, может быть в некоторой степени связано с их деятельностью по отношению к дворцу: те, кто получают большие рационы, теснее с ним связаны, или же выполняют более важные функции. А расположение отдельных получателей в табличках также может быть указанием на их социальный статус – он выше у тех, кто располагается на первых линиях и, соответственно, ниже у тех, кто занимает последние строки табличек³².

Еще один критерий для определения социального статуса получателей HORD. в серии *Fq* может быть найден при анализе других серий табличек из Фив. Помимо HORD., некоторые персоны получают еще и VINUM – вино (напр., *ra-ke-da-mi-ni-jo* или *a-ko-da-mo*), GRANUM – пшеницу (напр., *ta-di-je* или *a-ko-da-mo*) или OLIVA – оливки (напр., *a-ko-da-mo*). Вероятно, что их статус выше, чем у тех, кто получает один лишь HORD³³. Однако интересующий нас этникон *mi-ra-ti-jo* не встречается за пределами серии *Fq*.

Не исключено, что идеограмма HORD. может обозначать пшеницу-двузернянку, которая была дорогой пищей на Ближнем Востоке (в пользу чего свидетельствует, например, относительно малый размер ее рационов) и, таким образом, выдавалась лицам со средним или же высоким социальным статусом³⁴.

Руководствуясь вышеизложенным, мы можем сделать некоторые предварительные выводы о социальном статусе фиванского *mi-ra-ti-jo*. Вероятно, он был связан с дворцом. Среди персон, перечисляемых в табличках серии *Fq*, его статус был относительно низким, о чем свидетельствует малое количество HORD. ($Z 1$), которое ему выдается, а также его положение на нижних линиях табличек. Однако тот факт, что HORD., видимо, был дорогостоящим продуктом,

³² James S. Op. cit. P. 411.

³³ Efkleidou K. Op. cit. P. 202–203; James S. Op. cit. P. 413.

³⁴ Ibid. P. 412.

может указывать на принадлежность получателей из серии *Fq*, в том числе и *mi-ra-ti-jo*, к элите фиванского общества.

Определенную проблему представляет собой фонетическая форма этника *mi-ra-ti-jo*. Микенский диалект, на котором написаны тексты линейного письма В как на Крите, так и на материке, по всей видимости, представляет собой смешанный диалект или же некий наддиалект – своеобразную древнюю койнэ³⁵. Этот наддиалект объективно сложился в социально-исторических условиях микенской Греции, поскольку высокоразвитая цивилизация на обширном ареале не может обойтись без наддиалектных средств общения³⁶. И.М. Тронский справедливо отмечает, что для грека II тыс. до н.э. искусство письма не могло не быть сокровенной мудростью и требовало соответственного языкового стиля. Не случайно в памятниках, написанных микенским линейным письмом В, почти нет диалектных различий, где бы эти документы не составлялись: в Кноссе или в Пилосе, в Микенах или в Фивах – хотя в живой речи этих сравнительно далеких друг от друга городов различия, вероятно, были и хотя памятники Кносса на 150–200 лет старше, чем материковые³⁷. Одной из особенностей микенского диалекта (так же как и восточно-греческих диалектов I тыс. до н.э. – аркадо-кипрского и ионийского, а также лесбосского) является фонетический переход *ti > si*, так называемая ассибиляция³⁸. Однако ассибиляция не происходит в этнике *mi-ra-ti-jo*, хотя теоретически этот переход должен был бы произойти и дать в результате форму **mi-ra-si-jo* (ср. поздн. ионийск. *μλάσιος*, *μλήσιος*).

Отсутствие ассибиляции для данного этника можно объяснить несколькими способами:

³⁵ Гринбаум Н.С. Микенологические этюды. СПб., 2001. С. 40–42.

³⁶ Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 101.

³⁷ Там же. С. 99.

³⁸ Напр.: Hajnal I., Risch E. Grammatik des mykenischen Griechisch. Innsbruck, 2006. S. 85 (<http://www.uibk.ac.at/sprachen-literaturen/sprawi/mykgr2.pdf>); Palmer L.R. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts. Oxf., 1962. P. 42; Scherer A. Mykenisch (Anhang) // Thumb A. Handbuch der griechischen Dialekte / Bearb. von A. Scherer. Heidelberg, 1959. Bd. 2. S. 335–336; Vilborg E. A Tentative Grammar of Mycenaean Greek. Göteborg, 1960. P. 52.

1. На микенологическом коллоквиуме, проходившем в Кембридже в 1965 г., Э. Риш выступил с докладом, в котором сообщил об обнаруженных им следах двух различных диалектов в Пилосских текстах³⁹. Основываясь на частоте встречаемости особенностей этих двух диалектов, он обозначил один как *mycénien normal* (далее *MN*), а другой как *mycénien spécial* (далее *MS*) и предположил наличие трех особенностей, в которых заключаются различия между двумя этими диалектами:

1) окончание *dat. sing.* существительных атематического склонения: *e* (*ei*) (*MN*) vs. *i* (*MS*); *po-se-da-o-ne* vs. *po-se-da-o-ni*;

2) передача индоевропейских слоговых носовых сонантов (*m*, *n*) в окружении билабиальных согласных (*m*, *p*, *w*): *o* (*MN*) vs. *a* (*MS*); *pe-to* vs. *pe-ma*;

3) в некоторых словах употребляется гласная *e* (*MN*) vs. *i* (*MS*) в окружении лабиальных и лабиовелярных согласных (*m*, *p*, *k^w*); *a-te-mi-to* vs. *a-ti-mi-te*⁴⁰.

Впоследствии к этим трем особенностям были добавлены еще две:

4) ассимилированное *si* (*MN*) vs. неассимилированное *ti*, (*MS*), напр. в этниконах *ti-nwa-si-ja* vs. *ti-nwa-ti-ja* и др.⁴¹;

5) отражение индоевропейского слогового сонанта *g* как *og* (*MN*) vs. *ro* (*MS*); *to-no* vs. *to-ro-no*⁴².

Учитывая единообразие особенностей *MN* во всех дворцовых центрах, отделенных друг от друга не только географически, но и хронологически, а также крайне ограниченный характер микен-

³⁹ Risch E. Les différences dialectales dans le mycénien // Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies. Cambr., 1966 (*non vidi*).

⁴⁰ Palaima T.G. Special vs. Normal Mycenaean: Hand 24 and Writing in the Service of the King? / *A-na-qa-ta*. Studies Presented to J.T. Killen // Minos. 2002. Vol. 33–34. P. 206–207 (со ссылками на работы Э. Риша).

⁴¹ Nagy G. On Dialectal Anomalies in Pylian Texts / Atti e memorie del 1 congresso internazionale di micenologia // Incunabula Graeca. 1968. Vol. 25. Fasc. 1–3. Ateneo; Roma. P. 663–689 (*non vidi*); Palaima T.G. Op. cit. P. 207–208; Woodard R.D. Dialectical Differences at Knossos // Kadmos. 1986. Bd. 25. Nr. 1. S. 49–74. Однако уже сам Э. Риш высказывался против использования этой особенности для различения *MN* и *MS*: Hajnal I., Risch E. Op. cit. P. 115–118.

⁴² Palaima T.G. Special vs. Normal Mycenaean. P. 208 (со ссылками на работы Э. Риша).

ской грамотности и административный характер документов, данный диалект возможно рассматривать как диалект бюрократии, на котором писали (и разговаривали?) профессиональные чиновники и администраторы. В свою очередь, редкие случаи употребления особенностей *MS* могут отражать случайные контаминации деловой койнэ бюрократии и живого разговорного языка населения, жившего за пределами дворцов⁴³.

Таким образом, если мы примем теорию двух диалектов в микенском и признаем отсутствие ассибиляции особенностью *MS*, то форму *mi-ra-ti-jo* возможно будет считать разговорной формой, попавшей в деловую койнэ бюрократии.

Однако правомерность использования четвертой особенности для проведения различий между *MS* и *MN* находится под вопросом⁴⁴ (более того, ряд исследователей вообще отрицает существование *MN* и *MS*⁴⁵).

2. Если признать непригодность факта ассибиляции для различения *MN* и *MS*, то отсутствие фонетического перехода *ti > si* в некоторых этниконах может быть объяснено следующим образом: производные от топонимов (корень которых оканчивался на *-t-*, и которые в своем абсолютном большинстве негреческого происхождения, как например, топонимы из кносского архива: *da-*22-to*, *ku-ta-to*, *ti-ri-to*) не подвергаются ассибиляции, сохраняя произношение, аналогичное исходной форме топонима, от которой они были образованы⁴⁶. Весьма вероятно, что название города Милета – **Milātos* негреческого происхождения⁴⁷, поэтому этникон **milātios*

⁴³ *Palaima T.G.* Special vs. Normal Mycenaean. P. 208–209.

⁴⁴ Неприемлемой для проведения диалектных различий ее считают, напр., следующие исследователи: *Hajnal I.*, *Risch E.* Op. cit. P. 115–118; *Thompson R.J.E.* Dialects in Mycenaean and Mycenaean among the Dialects // *Minos*. 1998. Vol. 31–32. P. 315; *idem.* Special vs. Normal Mycenaean Revisited // *Minos*. 2006. Vol. 37–38. P. 344–355; *idem.* Mycenaean Nonassibilation // *Atti del XII colloquio internazionale di micenologia*. Roma, 2006 (forthcoming).

⁴⁵ *Adrados F.R.* History of the Greek Language: From its Origins to the Present. Leiden, 2005. P. 45; *Thompson R.J.E.* Dialects in Mycenaean and Mycenaean among the Dialects. P. 330–331; *idem.* Special vs. Normal Mycenaean Revisited. P. 366.

⁴⁶ *Thompson R.J.E.* Special vs. Normal Mycenaean Revisited. P. 354.

⁴⁷ См., напр.: *Беликов А. М.* Милет и $\mu\lambda\alpha\xi$ (к интерпретации *Schol. Ap. Rhod.* 185–188a) // *Antiquitas Iuventae*. Саратов, 2007. Вып. 3. С. 5–18.

по аналогии с ним, сохраняет в корне звук *-t-*. С подобной же ситуацией мы сталкиваемся и в кносском архиве, где все топонимы (за исключением лишь топонима *ku-ta-to*), корень которых оканчивается на *-t-*, дают производные, в которых ассибиляция не происходит: *ti-ri-ti-jo* от *ti-ri-to*; *ru-ki-ti-jo* от *ru-ki-to*; *ra-ti-jo* от *ra-to* и др.⁴⁸.

3. Этниконы на *-ti-jo*, в частности *mi-ra-ti-jo*, возможно, относятся к тем регионам греческого мира II тыс. до н.э., в языке населения которых не произошел фонетический переход *ti > si*⁴⁹.

4. Наконец, употребление некоторых форм, ассибиляция в которых не происходит, можно считать проявлением архаизма в произношении, возможно даже сельского⁵⁰. Но если альтернативную форму произношения этникона, образованного от названия одного из административных округов Пилосского государства, *ti-nwa-ti-ja*, которая существует наряду с «нормальной» для микенской койне ассибилизированной формой *ti-nwa-si-ja*, мы вполне можем считать проявлением этого сельского архаизма, то такое объяснение едва ли уместно для этникона, образованного от названия города, находящегося на другом берегу Эгейского моря, «нормальная» форма которого к тому же не засвидетельствована.

Таким образом, мы имеем, по крайней мере, три различных объяснения для отсутствия фонетического перехода *ti > si* в этнониме *mi-ra-ti-jo*. Однако независимо от того, воспользуемся ли мы концепцией двух диалектов (а точнее говоря социолектов) в микенском – бюрократического (*MN*) и живого разговорного (*MS*), и признаем отсутствие ассибиляции особенностью *MS*, или сочтем эту форму этникона происходящей из языка тех регионов греческого мира II тыс. до н.э., где ассибиляция не произошла, или же будем рассматривать сохранение звука *-t-* в *mi-ra-ti-jo* по аналогии с исходной формой негреческого топонима, от которой это слово было образовано, все эти

⁴⁸ Например, Э. Риш и И. Хайналь в *Grammatik des mykenischen Griechisch* определяют отсутствие ассибиляции для таких слов в качестве правила (§42b): *Hajnal I., Risch E. Op. cit. P. 116.*

⁴⁹ *Thompson R.J.E. Special vs. Normal Mycenaean Revisited. P. 354.*

⁵⁰ *Palmer L.R. Op. cit. P. 42; Thompson R.J.E. Op. cit. P. 354.* Ср. у Гомера: Ὀρτίλοχος (*Il. V.547*) и Ὀρσίλοχος (*Il. V.549*), где первый приходится второму дедом, поэтому и имеет более архаичную форму имени.

концепции позволяют сделать один и тот же вывод: этникон *ti-ra-ti-jo* был совершенно новой лексической единицей, которая попала в язык фиванской бюрократии незадолго до записи табличек и еще не успела подвергнуться фонетическим изменениям, характерным для микенской деловой койнэ. Дело в том, что форме *ti-ra-ti-jo* во многом аналогичны этникины из кносского архива: они образованы от названий явно негреческого, минойского происхождения, все они не подвергаются ассимиляции, за исключением производных от топонима *ku-ta-to* (*ku-ta-i-to*).

В ряде табличек мы сталкиваемся с его неассимилированным вариантом *ku-ta-ti-jo* (*Ga* 419, *Ga* 673, *As* 1516 (?), *X* 1538, *Wb* 5662, *X* 7894, *X* 7897) и *ku-ta-ti-ja* (*G* 820). Но известна также и ассимилированная форма: *ku-ta-si-jo* (*Dv* 1237, *Da* 1394) и *ku-ta-i-si-[jo?* (*X* 7891). Топоним *ku-ta-to* встречается в Кносских текстах чаще, чем любой другой, а именно 78 раз. Установить местонахождение *ku-ta-to* и найти ему точное соответствие среди критских топонимов I тыс. до н.э. на данный момент едва ли возможно. Однако этот населенный пункт играл весьма важную роль в административной системе Кносского государства, выполняя функцию одного из центров второго порядка, наряду с Фестом, Амниссом, Кидонией, *da-*22-to* и *se-to-i-ja*. С помощью этих административных центров Кносс осуществлял контроль над принадлежавшей ему центральной и западной частью острова⁵¹.

К моменту записи основного корпуса кносских табличек – в сер. XIV в. до н.э. микеняне находились на Крите уже более пяти десятилетий⁵². К этому времени этникины на *-tios* и *-tiā* еще только начинают подвергаться воздействию одной из особенностей микенской деловой койнэ, а именно ассимиляции *ti* > *si*. Причем этот фонетический переход первоначально затронул лишь один этникон, образованный от названия важнейшего административного центра *ku-ta-to*, которое встречается в кносских текстах чаще других, и еще не успел коснуться этнонимов, образованных от названий менее важных поселений.

⁵¹ Bennet J. The Structure of the Linear B Administration in Knossos. P. 240–242.

⁵² Idem. The Aegean Bronze Age. P. 181.

Таким образом, на примере топонима *ku-ta-to* и образованных от него этниконов мы можем определить необходимые условия для того, чтобы производные от новых для делового микенского над-диалекта лексических единиц начали подвергаться одной из характерных его особенностей – ассибиляции: во-первых, топоним должен постоянно и очень часто употребляться в документах; во-вторых, должно пройти не менее 50–70 лет, после того как топоним появился в деловом языке бюрократии, прежде чем ассибилированная форма впервые отмечается в записях отдельных писцов⁵³.

В первой половине XIV в. до н.э. во всей Эгеиде, включая малоазийский Милет, начинает доминировать микенская культура. Здесь возникает микенское поселение, так называемый Милет V (ок. 1450/30 г. до н.э.). Его большая площадь, производство керамики микенского стиля и захоронения микенского типа, несомненно, указывают на то, что оно было наиболее важной точкой соприкосновения микенского мира с Анатолией⁵⁴. Приблизительно с конца XIV в. до н.э. упоминания о Милете появляются в хеттских клинописных текстах (хеттская форма названия этого города – *Mil-lawanda* или *Milawata*⁵⁵). Миллаванда выступает важнейшим плацдармом правителей Аххиявы, откуда они осуществляли свою деятельность в Малой Азии. Судя по хеттским текстам, в конце XIII в. до н.э. при Мурсилесе II контроль над Милетом переходит от Аххиявы к хеттам (KUB. XIV.15). По-видимому, затем, пытаясь обезопасить свои западные рубежи и развязать себе руки для действий в Сирии, наследник Мурсилеса – Муватталис передает кон-

⁵³ Об альтернативных написаниях этникона *ku-ta-ti-jo* / *ku-ta-si-jo* см.: Беликов А.М. Этникон *ku-ta-ti-jo* / *ku-ta-si-jo* и некоторые диалектные различия в документах линейного письма В из Кносса // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2008». История. Сб. тезисов. М., 2008 (в печати). Напр., форму *ku-ta-ti-jo* употребляют писцы № 101, 136 и еще несколько писцов, чей почерк не классифицирован, а ассибилированные формы – писец № 117 и, возможно, 118.

⁵⁴ Greaves A. Op. cit. P. 55–57.

⁵⁵ Тождество Милета и Миллаванды в настоящее время является общепризнанным. См., напр.: Bryce T. The Kingdom of Hittites. Oxf., 1998. P. 61; Gorman V. Miletos. The Ornament of Ionia: A History of the City to 400 B. C. Ann Arbor, 2001. P. 28; Greaves A. Op. cit. P. 69 и др.

троль над Милетом обратно правителям Аххиявы⁵⁶. С таким же положением дел мы сталкиваемся позднее при Хаттусилесе III – в «Письме о Тавагалаве» (KUB. XIII.3). Наконец, при Тудхалиасе IV Миллаванда вновь переходит под хеттский протекторат, а отношения между царем Хаттусы и правителем Милаванды трактуются как обычные связи между «отцом» и «сыном», то есть сюзереном и вассалом, о чем мы узнаем из так называемого «Письма в Миллаванду» (KUB. XIX.55 + KUB. XLVIII.90)⁵⁷. Таким образом, как археологические, так и письменные источники показывают, что Милет находился в непрерывных и тесных связях с микенским миром на протяжении более чем двух столетий. Из «Письма о Тавагалаве» известно, что царь Аххиявы даже вел переписку с зависимым от него правителем Милета Атпасом (KUB. XIII.3.5).

Итак, мы видим, что топоним **Milātos*, и, соответственно, производный от него этникон, должны были попасть в деловой язык писцов столицы Аххиявы еще в конце XV в. до н.э. и постоянно употребляться в этом деловом языке, поскольку, как известно, контакты между Аххиявой и Миллавандой были очень интенсивными, особенно в XIII столетии до н.э. Таким образом, эти факторы должны были создать необходимые условия для фонетического перехода *ti > si* в этниконе «милетянин», который в архиве линейного письма В столицы Аххиявы в конце XIII – начале XII вв. до н.э. должен был бы принять форму **mi-ra-si-jo*. То есть, если бы Фивы были столицей Аххиявы, то в серии *Fq* мы, очевидно, столкнулись бы с ассимилированной формой этого этникона, чего не происходит. Остается некоторая возможность допустить наличие колебаний в написании этой формы у отдельных писцов, хотя для табличек серии *Fq* их двое: и писец № 305 (*Fq* 177, *Fq* 198, *Fq* 214, *Fq* 254+255, *Fq* 269, *Fq* 276) и писец № 310 (*Fq* 244) употребляют форму без ассимиляции.

⁵⁶ Bryce T. The Nature of Mycenaean Involvement in Western Anatolia // *Historia*. 1989. Bd. 38. S. 7–9.

⁵⁷ Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 88.

Таким образом, если бы беотийские Фивы были столицей могущественного государства Аххиява, известного нам по хеттским текстам, то они должны были бы находиться в постоянных и интенсивных контактах с Милетом–Миллавандой, зависимой от Аххиявы территорией, на протяжении более чем двухсот лет. То есть этникон *mi-ra-ti-jo*, неизбежно подвергнулся бы фонетическим изменениям, характерным для микенского делового языка, и дал бы в табличках, написанных на рубеже XIII–XII вв. до н.э., форму **mi-ra-si-jo*, чего, как мы знаем, не происходит. Этот важный факт ставит под сомнение возможность того, что Фивы были столицей Аххиявы, и заставляет вернуться к ранее высказанным концепциям, отождествляющими ее с Микенами⁵⁸. Наилучшим подтверждением этого вывода стало бы обнаружение в архивах Микен ассимилированной формы этникона «милетянин» – **mi-ra-si-jo*, однако, к сожалению, на новые находки письменных источников здесь едва ли возможно надеяться. Понятно, что сделанный в данной работе вывод носит предварительный и гипотетический характер, и данная проблема нуждается в дальнейшей разработке.

Так могли ли Фивы быть столицей Аххиявы? По всей видимости, нет, и дальнейшие исследования Фив археологами, дальнейший пристальный анализ как хеттских, так и микенских текстов, скрупулезная работа над различными версиями фиванского эпоса и, наконец, решение вопроса о степени достоверности событий, описываемых в эпической поэзии, несомненно, прольет свет на эту проблему.

---

⁵⁸ См. напр.: Bryce T. The Nature of Mycenaean Involvement in Western Anatolia. S. 5–6; *idem*. The Kingdom of Hittites. P. 62; Гундин Л.А., Цымбурский В.Л. Указ. соч. С. 56 и др.

КУЗЬМИНА Ю.Н. (САМАРА)

КУЛЬТОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ АРТЕМИДЫ ЭФЕСИИ*

Культ Артемиды Эфесии овеян многочисленными загадками, связанными в том числе и с тем, как образ Артемиды, чистой и непорочной богини-девы, мог трансформироваться в образ Эфесии, несущей в себе черты восточной Великой матери богов.

Оживленные дискуссии в связи с культом Эфесии ведутся и вокруг того, как могло выглядеть ее архаичное деревянное изображение (*ксоан*). Вероятно, культовая статуя, созданная во второй половине VI в. до н.э. мастером Эндоем для перестроенного во время правления Креза эфесского храма Артемиды, имела в своей основе именно этот деревянный *ксоан* (Plin. *HN*. XVI.213–216). Статуя работы Эндоя сгорела во время пожара 356 г. до н.э.¹

В настоящее время известны изображения Артемиды Эфесской позднеэллинистического и римского времени. Так, статуэтка богини, которая находится в Базеле, вероятно, относится к позднеэллинистической эпохе². Римским временем датированы, например: терракотовая фигура Артемиды Эфесской из коллекции Э.К. Макдэниэл (рис. 1), статуэтки богини, хранящиеся в Лувре, Женевском музее, Национальном музее Неаполя, Национальном музее Афин, а также статуи, экспонируемые в археологическом музее города Сельчук, где собраны находки, сделанные во время раскопок Эфеса.

Основная работа, посвященная изображениям Эфесии, написана австрийским археологом Р. Фляйшером³. В этой книге он,

---

* Хочу поблагодарить проф. Цюрихского университета Вальтера Буркерта, приславшего мне одну из своих статей, посвященных культу Артемиды Эфесской.

¹ *LiDonnici L.R.* The Images of Artemis Ephesia and Greco-Roman Worship: A Reconsideration // *HThR*. 1992. Vol. 35. No. 4. P. 402–403.

² *Burkert W.* Die Artemis der Epheser: Wirkungsmacht und Gestalt einer Grossen Göttin // 100 Jahre Österreichische Forschungen in Ephesos. Akten des Symposiums Wien 1995. Textband. Wien, 1999. S. 69.

³ *Fleischer R.* Artemis von Ephesos und verwandte Kultstatuen aus Anatolien und Syrien. Leiden, 1973.

проанализировав эллинистические и римские образцы, подробно разобрал версии, как могло выглядеть древнее культовое изображение Артемиды Эфесской. Поэтому в данной статье есть смысл остановиться лишь на общем описании изображений Эфесии.

За основу можно взять терракотовую статуэтку из коллекции Э.К. Макдэниэл, которая в общих чертах соответствует всем остальным изображениям Артемиды Эфесской. Черты лица Эфесии прорисованы и сохранились не очень ясно: хорошо просматриваются лишь глаза и нос, остальные же черты едва различимы; на лице богини улыбка. Тело Артемиды цилиндрическое, сужающееся к низу, а длинные полы одежды скрывают ее ноги и спускаются на подставку. Довольно короткие раскинутые руки богини, до локтей прижаты к туловищу. Ладони имеют такую форму, будто бы богиня держала что-то в руках. Дж.Р. Колеман предположил, что это могли быть два деревянных посоха⁴. На голову Артемиды надет высокий головной убор, так называемый *полос*. Справа и слева от богини изображены два оленя.

Спереди на месте груди у Артемиды находится большое количество «образований» вытянутой формы. Существует множество версий того, чем же являются данные «отростки». Наиболее распространенным является мнение о том, что это груди, и поэтому Артемиду Эфесскую часто практически бездоказательно называют Многогрудой⁵ и отождествляют с восточной Великой матерью и божеством плодородия, несмотря на то, что в источниках упоминания о многогрудости Артемиды немногочисленны: один раз у Плиния Старшего и дважды в трудах христианских авторов (Plin. HN. XVI.213–216; Min. Felix. XXI.5; Hier. *Comm. in ep. Pauli ad Ephes. Praef.*).

⁴ Coleman J.R. A Roman Terracotta Figurine of the Ephesian Artemis in the McDaniel Collection // HSCPh. 1965. Vol. 70. P. 112.

⁵ Например: Seuffert O. Dictionary of Classical Antiquities. N. Y., 1894. P. 72–73; Stengel P. Ephesia // RE. 1905. Hbd. 10. Sp. 2764–2766; Bennet F.M. Religious Cults Associated with the Amazons. N. Y., 1912. P. 34–39; Coleman J.R. Op. cit. P. 111–112; Zschietzmann W. Ephesos // KP. 1964. Bd. 2. Sp. 293. Отечественные исследователи безоговорочно принимают версию о «многогрудости» Эфесии: Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Боги и герои Древней Греции. М., 2002. С. 99; Завьялова В.П. Каллимах. Гимн «К Артемиде». М., 2002. С. 99.

С.М. Бо оспаривает расхожее мнение, согласно которому Артемида обладала функциями Матери и богини плодородия. Он пишет, что Артемида почиталась жителями Эфеса в качестве охотницы и богини, соблюдавшей целомудрие. С.М. Бо обосновывает свой тезис в основном тем, что указанные выше письменные свидетельства, где говорится о многогрудости богини, просто невозможно принимать всерьез хотя бы в силу их незначительного количества⁶. С другой же стороны, аргументы самого исследователя также кажутся весьма сомнительными, а его версия представляет собой просто констатацию концепции и бездоказательное отрицание версии о многогрудости.

Р. Фляйшер, полагая, что изображение Эфесии было важнейшим типом идола в Малой Азии вплоть до времени эллинизма и римского господства, проделал масштабную работу и рассмотрел различные гипотезы о том, чем же на самом деле являются ее загадочные «груды»: гроздьями винограда, страусиными яйцами, орехами или чем-то другим. Исследователь решительно отверг популярную версию, что эти «отростки» являются «грудями» Артемиды, и высказал точку зрения, что это «предмет» ее гардероба, смысл которого для нас, к сожалению, утерян. Подтверждением этому может служить статуэтка из Неаполя, на которой видно различие в цвете кожи богини и ее одеяния (рис. 2)⁷.

Достаточно сенсационным в кругах специалистов стало заявление швейцарского археолога Г. Зайтерле, который так же отверг «теорию многогрудости», но предложил взамен не менее спорную версию, что это были бычьи яички, доказывая это суждение заимствованиями из культа малоазийской Великой матери⁸. Г. Зайтерле

---

⁶ *Baugh S.M.* Cult Prostitution in New Testament Ephesus: A Reappraisal // *Journal of the Evangelical Theological Society.* 1999. Vol. 42. No. 3. P. 452.

⁷ *Fleischer R.* Op. cit. S. 87–88; *idem.* Artemis von Ephesos und verwandte Kultstatuen aus Anatolien und Syrien. Supplement // *Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens: Festschrift für Friedrich Karl Dörner zum 65. Geburtstag am 28. Februar 1976.* Leiden, 1978. S. 325–329; *idem.* Neues zu kleinasiatischen Kultstatuen // *AA.* 1983. Hft. 1. S. 81–93.

⁸ *Seiterle G.* Artemis – die Große Göttin von Ephesos. Eine neue Deutung der Vielbrüstigkeit eröffnet einen Zugang zum bisher unbekanntem Kult der Göttin // *AW.* 1979. Bd. 10. S. 3–16.

даже изготовил модель статуи Артемиды для Музея древностей в Базеле (рис. 3).

Данная теория сразу же получила поддержку некоторых видных антиковедов, например, В. Буркерта, который, впрочем, ограничился лишь тем, что в своих работах просто придерживался точки зрения Зайтерле, не разрабатывая ее детально⁹.

С другой стороны, мнение Г. Зайтерле критиковалось многими учеными, в том числе и Р. Фляйшером, который, показал, что данное по его выражению, «блестящее открытие» интересно, но абсолютно недоказуемо¹⁰.

Следует упомянуть, что против гипотезы Г. Зайтерле выступил Д. Целлер, который считал, что мнение швейцарского археолога, будто бычьи яички могли служить приношением ради достижения плодородия, абсолютно неверно, а, кроме того, само по себе их размещение на груди вызывает большие сомнения¹¹.

Новая гипотеза была предложена В. Хельком, который, поддерживая аргументы Р. Фляйшера, также отверг гипотезу Г. Зайтерле. Согласно версии В. Хелька, это были вовсе не «яички» и не «грудь», а накидка из шкуры пантеры. Эти выводы он сделал на основании того, что в Чатал-Хююке была найдена фигурка богини, которая держит накидку, расцветка которой схожа с окраской пантеры. Таким образом, В. Хельк предположил, что прообразом для Эфесии послужила неолитическая Великая мать, а в дальнейшем греки могли неправильно интерпретировать этот предмет одежды (накидку) как бычьи яички. В доказательство своего суждения он привел тот факт, что высокий головной убор Артемиды Эфесской также являлся элементом одеяния, присутствующим на фигурках Великой матери¹².

⁹ *Burkert W.* Structure and History in Greek Mythology and Ritual. Berkeley, 1982. P. 130; *idem.* Die Artemis der Epheser. S. 70.

¹⁰ *Fleischer R.* Neues zu kleinasiatischen Kultstatuen. S. 81–93.

¹¹ *Zeller D.* «Brüste oder Hoden»? Philologische, religionswissenschaftliche und tiefenpsychologische Bemerkungen zu einer interpretatorischen Alternative bei der ephesischen Artemis // *Macellum. Culinarium Archaeologicum* // www.archaeologiesachbuch.de/Fleischer/index1.htm.

¹² *Helck W.* Zur Gestalt der ephesischen Artemis // *AA.* 1984. Hft. 2. S. 281–282.

Еще одну версию об особенностях изображении Эфесии предложил Г. Ник. Согласно его мнению, корни культового изображения богини уходят еще к мифическим амазонкам и их ритуалам. Г. Ник считает, что амазонки почитали Эфесию не как божество плодородия, а как покровительницу войны. Вероятно, амазонки посвящали богине свою ампутированную грудь – символ их женственности и материнского инстинкта – как плату за возможность быть матерью. Таким образом, ампутация была ритуалом инициации, которая молодым амазонкам давала право участвовать в войне. После ампутации груди прикреплялись к культовому изображению. Из-за недостатка места на статуе богини груди размещались в несколько рядов и даже на спине. Таким образом, Г. Ник объяснил обвисшую форму «образований» тем, что речь идет именно об ампутированной части тела. Г. Ник предположил, что со временем ритуал изменился и впоследствии вместо грудей, возможно, прикреплялись ритуальные сосуды, в чем автор видит сходство с некоторыми аккадскими ритуалами¹³.

Однако наиболее аргументированной представляется гипотеза, что данные «отростки» были всего лишь украшениями – бусами, которые в ритуальных целях вешались на статую Эфесии. Это подтверждается многочисленными находками бусинок в форме сосудов, сделанных при раскопках эфесского Артемисиона. С. Моррис отождествила их с хеттскими кожаными мешками – «курса», использовавшимися в ритуалах плодородия, которые гарантировали благосостояние и процветание¹⁴.

Конечно, практически все рассмотренные выше предположения, с одной стороны, выглядят абсолютно недоказуемыми, а некоторые даже фантастичными, с другой же стороны, все они в той или иной мере указывают, что существовали восточные корни культа Артемиды Эфесской. Практически все исследователи не отрицают того, что она являлась олицетворением Великой богини и

---

¹³ Nick G. Die Artemis von Ephesos: Neues zu einem antiken «Busenwunder» // *Macellum. Culinaria Archaeologica* // www.archaeologie-sachbuch.de/Fleischer/index1.htm.

¹⁴ Morris S.P. *Potnia Aswiya: Anatolian Contributions to Greek Religion* // *Potnia. Deities and Religion in the Aegean Bronze Age*. Liège; Austin, 2001. P. 430–432.

свидетельствуют об этом многие черты культовых изображений Эфесии, например, поза, головной убор, одеяние, львы рядом с богиней на некоторых изображениях и др.

Еще одним обстоятельством, сближающим Эфесию с анатолийской Великой богиней, является изображение ее в виде пчелы: таковой она появляется, например, на эфесских монетах (рис. 4)¹⁵. Кроме того, в фундаменте храма Артемиды в Эфесе были найдены золотые бляшки с изображениями пчел¹⁶. Согласно мнению Р.Д. Барнетта, отождествление Артемиды с пчелой, а также некоторые религиозные церемонии, связанные с этим, вероятно, были заимствованы из фригийской и лидийской религиозных традиций, образцом для которых, несомненно, послужили хеттские религиозные практики¹⁷.

Пчела в Восточном Средиземноморье зачастую являлась атрибутом женского божества. Элементы почитания пчел встречаются уже в крупнейшем малоазийском неолитическом поселении Чатал-Хююк, где в одном из святилищ была найдена фреска, изображающая улей с последовательными фазами развития пчел от личинок до взрослых особей. Возможно две интерпретации данных изображений. Во-первых, это могло быть отображением социальной стратификации общества, которое через вариацию возраста насекомых показывало разницу в социальном статусе членов рода. Но существует и иная интерпретация: так, по мнению Э.Л. Лаевской, идея перехода из одного возраста в другой может быть связана с идеей о рождающем и умертвляющем высшем начале. Тогда улей в нашем случае выступает в качестве женского чрева, а пчела является атрибутом Великой богини¹⁸.

Следует обратить внимание, что в ряде нарративных источников жрицы Артемиды, Деметры и Кибелы, а также дельфийские

¹⁵ *Elderkin G.W.* The Bee of Artemis // *AJPh.* 1939. Vol. 60. No. 2. P. 203.

¹⁶ *Hogarth D.G.* Excavations at Ephesus: The Archaic Artemisia. L., 1908. P. 111–112; *Barnett R.D.* Early Greek and Oriental Ivories // *JHS.* 1948. Vol. 68. P. 21.

¹⁷ *Barnett R.D.* Ancient Oriental Influences on Archaic Greece. The Aegean and Near East. N. Y., 1956. P. 218.

¹⁸ *Лаевская Э.Л.* Мир мегалитов и керамики. М., 1997. С. 40–41.

жрицы именуется μέλισσα («пчела» – Pind. *Pyth.* IV.60; *Schol. in Pind. Pyth.* IV.60; Porphyg. *Antr.* 18)¹⁹.

По-видимому, Эфесия почиталась местным населением еще до того, как территория будущего Эфеса была заселена эллинами и, вероятно, практически все ритуалы ее культа берут свои корни с этого времени. Раскопки, проводившиеся Дж. Хогартом перед Первой мировой войной, а затем раскопки 1987–1988 гг. подтвердили, что эфесский храм действительно был очень древним: известны находки посуды, относящейся к раннему бронзовому веку, а первичные постройки на месте будущего храма-периптера относятся к середине VIII в. до н.э.

По мнению А. Баммера, первоначальный храм Артемиды Эфесской был разрушен наводнением. То, что храм был построен в заболоченном месте и даже возникшие трудности с фундаментом не вынудили его перенести на новое место (было укреплено лишь основание постройки, которое постепенно поднималось: примерно на 4,4 м с VIII по IV вв. до н.э.), говорит, что сохранение первоначального местоположения храма играло очень важную роль²⁰.

*****

Таким образом, вполне очевидно, что культ Артемиды Эфесской в своей основе имел культ восточной Великой матери, о чем свидетельствуют в основном археологические и нумизматические источники. Версия же о «многогрудости» Артемиды Эфесии, засвидетельствованная главным образом в сообщениях христианских авторов, вполне могла быть ответом на то, что покровительница Эфеса совсем не вписывалась в новую религию – христианство и, таким образом, была предпринята попытка дискредитировать ее образ как пережитки языческих обрядов и верований.

---

¹⁹ См.: Ransome H.M. *The Sacred Bee in Ancient Times and Folklore*. L., 2004. P. 58.

²⁰ Bammer A. A “Peripteros” of the Geometric Period in the Artemision of Ephesus // *AS*. 1990. Vol. 40. P. 137–142.

МИХАЙЛОВ А.В. (САРАТОВ)

«ДЕЛО» ОБ ОГРАБЛЕНИИ ГРОБНИЦЫ КИРА

Работа историка часто пересекается по своим задачам и методам с ремеслом сыщика с той лишь разницей, что сыщик находится в непосредственной близости к распутываемому им делу во временном и пространственном отношении. Историк же в силу специфики своей профессии действует в совершенно ином временном и событийном контексте, стараясь посредством источников приблизиться к изучаемому событию и воссоздать его максимально объективно. В связи с этим как нельзя лучше задачу историка выражают слова известного писателя А.К. Дойла, вложенные в уста великого сыщика всех времен и народов, Шерлока Холмса: «Огромной ошибкой является построение теорий до получения данных. Незаметно для себя начинаешь искажать факты, подстраивая их под теории, вместо того, чтобы теории приводить в соответствие с фактами».

Историка неизбежно приходится занять место сыщика, если объектом его изучения является поход Александра Македонского, изобилующий разного рода загадочными, а иногда откровенно «криминальными» эпизодами: казнь Филоты, убийство Клита, расправа над Каллисфеном, раскрытие «заговора пажей», а также самый таинственный сюжет истории великого полководца, до сих пор вызывающий споры историков, – смерть самого Александра¹.

Не менее интересным и по-разному освещаемым в источниках является эпизод, связанный с гробницей Кира Великого в Пасаргадах, которая по возвращении Александра из Индии оказалась разграбленной. Это событие, часто упоминаемое в связи с «большой чисткой»², заслуживает гораздо большего внимания, так как при комплексном и основательном анализе источников сюжет с ограблением поднимает ряд вопросов, тесно связанных, во-первых, с самим осквернением памятника и процессом «следствия», поиска и

---

¹ Вопросы и споры о причинах смерти Александра возникали еще в античности. См.: Arr. *Anab.* VII.25–27; Curt. X.14–17; Diod. XVII.117–118; Iust. XII.13.10; 14–15; Plut. *Alex.* 76–77.

² Напр.: Шахермейер Ф. Александр Македонский. М., 2005. С. 394.

наказания виновных; во-вторых, с отношением Александра к Киру и стремлением первого выступить в качестве преемника Ахеменидов и блюстителя порядка во всей подвластной новому царю империи. Эти вопросы возникают из-за противоречий в источниках, восходящих, очевидно, к разным историографическим традициям.

По-видимому, образ основателя персидской империи часто привлекал внимание македонского полководца во время его похода. В источниках прослеживается очевидное стремление Александра не только сравнить себя с Киrom, но и превзойти его. Следствием этого были: длительная осада, взятие и уничтожение Кирополя, самого большого и самого непокорного города Согдианы (Arr. *Anab.* IV.2.2; 3.1–4; Curt. X.3.16–23)³, доброжелательное отношение к племени «эвергетов» (εὐεργέται – т.е. «оказывающие благодеяния») за их помощь, оказанную, по легенде, основателю персидской империи (X.3.1; Arr. *Anab.* III.27.5), а также марш через Гедрозию, где Кир потерял большую часть своего войска и потому отказался от похода на Индию (VI.24.3), и, наконец, посещение гробницы – последний эпизод проявления симпатии одного великого завоевателя к другому.

О произошедшем осквернении погребального монумента и событиях, связанных с ним, рассказывают Арриан, Страбон, Плутарх и Курций Руф. Сообщение Курция довольно своеобразно, как и весь его труд *Historiae Alexandri Magni*, и сильно отличается от описаний первых трех авторов. Согласно римскому историку, Александр на пути в Вавилон из Индии, прибыл в Парсагаду (*Parsagada*)⁴, персидскую область, в которой сатрапом был Орсин (*Orsines*)⁵, «знатностью и богатством выделяющийся среди всех варваров» (*nobilitate ac divitiis inter omnes barbaros eminens* – Curt. X.1.22). Автор описывает конфликт, произошедший между Орсином и внуком Александра, Багом, который, не стерпев оскорблений перса,

³ Другое название – Кирэсхата – один из городов, основанных Киrom для защиты восточных границ империи (Фрай Р. Наследие Ирана. М., 2002. С. 125).

⁴ Несмотря на расхождение названия с традиционным латинским вариантом *Pasargada*, используемое Курцием наименование этого города вполне созвучно персидскому варианту *Parsa gada* – лагерь персов (см.: Olshausen E. *Pasargadai* // KP. Bd. 2. Sp. 538).

⁵ Ср.: Arr. *Anab.* VI.29.2: Ὀρξίνης δὲ ἐπεμέλετο τῆς Περσίδος («Орксин находился во главе Персиды»).

оклеветал того перед царем и «обвинял в корысти и даже измене» (*avaritiae, interdum etiam defectionis arguebat* – *ibid.* 29). Эпизод с гробницей Кира стал поводом, чтобы окончательно расправиться с обидчиком. Согласно Курцию Руфу, из усыпальницы грабители вынесли золото и серебро, поэтому при посещении памятника Александр в гробнице не нашел ничего, «кроме круглого щита, да и то, ветхого, а также двух скифских луков и акинака» (*sed praeter clipeum eius putrem et arcus duos Scythicos et acinacem nihil repperit* – *ibid.* 31). Багой поспешил воспользоваться случаем и обвинил Орсина в разграблении гробницы. Александр, поддавшись лжи своего евнуха, разгневался на перса, которого, по сообщению Курция, Багой зарезал лично (*ibid.* 37; ср.: *Arr. Anab.* VI.30.2). Вывод автора прост: Александр поддался клевете и доносам, из-за которых стал недоверчивым, неосторожным и потому начал действовать неосмотрительно, «доверившись дурному» (*Curt.* X.1.39). Внимание Курция Руфа сосредоточено в данном эпизоде на личности Александра и тех изменениях, что начали происходить с ним. Сюжет с ограбленной гробницей не более чем пример дурного влияния на царя интриг, происходящих при дворе.

Наиболее обстоятельно и полно гробницу и события, с ней связанные, описывают Арриан и Страбон. Не менее важно, что оба автора называют источники, из которых они черпали приводимые ими сведения. Описывая эпизод в Пасаргадах, Арриан ссылается на Аристобула⁶, из рассказа которого в пересказе двух греческих писателей становится известным, что Александр находился у гробницы Кира дважды. Первый визит был совершен во время вторжения в Персиду в 330 г. до н.э., после сожжения дворцов Персеполя (*Strabo.* XV.3.7)⁷. Тогда гробница находилась в полном по-

---

⁶ Аристобул принимал участие в походе Александра. Он руководил восстановлением гробницы Кира, потому оставил довольно подробное описание ее. Этот первоисточник Страбон активно использует в «Географии», где Аристобул упоминается шестнадцать раз (*Арский Ф.Н.* Страбон. М., 1974. С. 50), для Арриана же Аристобул – один из основных источников наряду с Птолемеем (*Arr. Anab.* I.2).

⁷ Арриан упоминает об этом визите мельком, во время рассказа о втором посещении (*Anab.* VI.29.9). Однако раньше историк сообщает, что впервые Александр посетил Пасаргады до поджога Персеполя и целью его был захват казны (*III.*18.10).

рядке и Аристокбул исполнил приказ царя «проникнуть внутрь и украсить гробницу» (παρελθεῖν εἰς τὴν φησὶν Ἄριστόβουλος κελεύσαντος τοῦ βασιλέως καὶ κοσμηῆσαι τὸν τάφον – *ibid*).

Описание гробницы, приводимое Аррианом и Страбоном, соответствует параметрам того сооружения, что было обнаружено на расстоянии 1 км от пасаргадских дворцов в 60-е гг. прошлого века экспедицией Д. Стронаха, профессора Британского института изучения Персии (см. рис.)⁸. Рассматривая Пасаргады в качестве столицы своей империи, Кир приказал воздвигнуть там новые дворцы, а огромная терраса на горе Пасаргаде служила символом победы Кира над царем Мидии⁹. Строительство же памятника, отождествляемого сегодня с гробницей Кира, было начато еще при жизни персидского царя, а закончено его сыном, Камбизом. Гробница сконструирована из больших, аккуратно обтесанных камней, ее общая высота равна 11,1 м; основа монумента состоит из шести плит, каждая из которых по площади чуть меньше предыдущей; по форме база памятника напоминает восходящую пирамиду. На самом верхнем ярусе расположена небольшая комната с узким дверным проемом (1,39 м в высоту и 0,78 м в ширину)¹⁰.

По сообщению Аристокбула, Александр, второй раз прибыв из Индии в Пасаргады и обнаружив гробницу разграбленной, приказал привести ее в порядок. Памятник был взят под личный контроль царя – он велел замазать часть входа глиной и вдавил в нее свою царскую печать (*Arr. Anab. VI.29.10*). Важно отметить, что, как сообщает Страбон со ссылкой на Аристокбула, гробница оказалась разграбленной, «несмотря на находящуюся охрану в лице магов, ежедневно получавших в пищу барана, а раз в месяц – лошадь» (καίπερ φυλακῆς περικειμένης Μάγων, σίτισιν λαμβανόντων καθ' ἡμέραν πρόβατον, διὰ μηνὸς δ' ἵππον – *XV.3.7*). Арриан поясняет, что лошадь приносилась в жертву Киру (*Anab. VI.29.7*). Таким образом, в «деле» об ограблении гробницы появляются свидетели – маги, придворные жрецы Ахеменидов, выступающие в данном случае потомственными стражами священного памятника. Александр не преминул

⁸ *Zournatzi A. The Tomb of Cyrus The Great // www.cais-soas.com/CAIS/ Architecture/cyrus_the_great_tomb.htm*

⁹ *Израэль Ж. Кир Великий. М., 2006. С. 84.*

¹⁰ *Zournatzi A. Op. cit. Ср.: Strabo. XV.3.7; Arr. Anab. VI.29.5.*

воспользоваться показаниями этих важных свидетелей и решил допросить их; маги были схвачены. Царь «подверг их пытке, чтобы они выдали совершивших разграбление. Подвергнутые пыткам несколько не выдали ни себя, ни другого, и другим каким-либо образом не были изобличены в том, что они были свидетелями происшествия. После этого магов отправили прочь от Александра» (*Anab.* VI.29.11). Неизвестно, какой именно пытке подверг царь магов, но ясно, что ему было важно показать страже свою заинтересованность в наказании виновных и, следовательно, наведении порядка в персидской области, в которой бушевали в то время мятежи и разбои. Немаловажным является то, что Александр, стремясь выступать преемником Ахеменидов, должен был унаследовать в какой-либо форме традиционные взаимоотношения персидского царя со своими придворными священнослужителями, выступавшими советниками Ахеменидов в сакральных вопросах и хранителями священного царского огня. Стараясь в своей политике опереться на местное жречество, Александр, взявшись за расследование, действовал в их интересах, пытаясь найти в их лице поддержку своей гегемонии¹¹. Таким образом, своими действиями Александр показывал ахеменидским жрецам, что он выступает защитником собственности касты священнослужителей и покровителем персидских традиций. Еще одним свидетельством этого служит упоминание Арианом того, что маги «были отправлены от Александра», а не преданы казне. К тому времени царь не был заинтересован в расправе над священнослужителями.

Допрос свидетелей не дал никаких результатов, однако Аристобул в пересказе Страбона заключает, что совершенное преступление было делом «грабителей, а не сатрапа» (προνομευτῶν ἔργου ἤν, οὐχὶ τοῦ σατράπου), которые оставили все, что нельзя было легко унести (*Strabo.* XV.3.7). Под сатрапом в данном случае понимается, конечно, Орксин, который тем не менее был повешен из-за того, «что расхищал храмы и гробницы царей», а также был уличен «в том, что казнил многих персов не в соответствии с законом» (καὶ ἐξηλέγχθη Ὀρξίνης ἱερά τε ὅτι σεσυλήκει καὶ τάφους βασιλικούς, καὶ

¹¹ До этого события с Александром сотрудничали исключительно представители светской персидской знати (см.: *Бриан П.* Александр Македонский. М., 2007. С. 136).

Περσῶν πολλοὺς ὅτι οὐ ξὺν δίκη ἀπέκτεινε - *Arr. Anab. VI.30.2*). Дополнительной причиной казни Орксина помимо обвинений в грабежах могло стать его самовольное провозглашение себя сатрапом Персиды после смерти Фрасаорта, оставленного Александром управлять этой областью. Причастность сатрапа к ограблению гробницы Кира остается неясной, но вряд ли самый знатный перс был виновен непосредственно в данном преступлении. В это, как явствует из слов Страбона, не верили и сами современники.

Апологет Александра, Плутарх, автор работы «Об удаче и доблести Александра» и жизнеописания великого полководца, несколько иначе описывает события, связанные с ограбленной гробницей (*Alex. 69.*):

Ἔπειτα τὸν Κύρου τάφον εὐρῶν διορωρυγμένον, ἀπέκτεινε τὸν ἀδικήσαντα, καίτοι Πελλαῖος ἦν οὐ τῶν ἀσημοτάτων ὁ πλημμελήσας, ὄνομα Πουλαμάχος. τὴν δ' ἐπιγραφὴν ἀναγνοὺς, ἐκέλευσεν Ἑλληνικοῖς ὑποχαραῖσι γράμμασιν. εἶχε δ' οὕτως· ὦ ἄνθρωπε, ὅστις εἶ καὶ ὀπόθεν ἦκεις, ὅτι μὲν γὰρ ἦξεις οἶδα, ἐγὼ Κῦρός εἰμι ὁ Πέρσαις κτησάμενος τὴν ἀρχήν. μὴ οὖν τῆς ὀλίγης <μοι> ταύτης γῆς φθονήσης ἢ τοῦμόν σῶμα περικαλύπτει. ταῦτα μὲν οὖν ἐμπαθῆ σφόδρα τὸν Ἀλέξανδρον ἐποίησεν, ἐν νῶ λαβόντα <τῶν πραγμάτων> τὴν ἀδηλότητα καὶ μεταβολήν.

«Затем [Александр], обнаружив гробницу Кира вскрытой, казнил провинившегося, хотя допустивший преступление, имя которого Пуломах, был из Пеллы, не из самых неизвестных (один из именитых) [граждан]. Прочитав надпись, [Александр] приказал вырезать [ее] внизу греческими буквами. [Она] содержала следующее: “Человек, кто бы ты ни был и откуда бы ты ни шел, потому что я знаю, что ты придешь, я – Кир, приобретший царство для персов. Не лишай же меня той небольшой земли, что окружает мое тело”. Надпись заставила Алек-

сандра сильно взволноваться, навела на мысль о неизвестности и переменчивости событий».

Если оставить в стороне последнее замечание, подчеркивающее непостоянство человеческого бытия, то следует обратить внимание на то, что обвиняемый в совершении осквернения – некто Пуломах – был уважаемым македонянином из Пеллы, чья личность окутана завесой тайны. Вероятно, он принимал участие в походе только до границы с Персией, находясь в неизвестном для нас ранге¹². По возвращении Александра Пуломах был уличен в ограблении и затем казнен¹³.

У нас нет оснований подвергать сомнению достоверность данного сообщения Плутарха. По крайней мере, здесь одним из его источников является либо Аристокбул, либо какой-то другой автор, опиравшийся в свою очередь на этого современника Александра. Основанием для такого вывода является упоминание Плутархом надписи, начертанной по приказу Александра, которая по своему содержанию перекликается с сообщениями Арриана и Страбона, опирающихся на сообщение Аристокбула:

Arr. *Anab.* VI.29.8: ὦ ἄνθρωπε, ἐγὼ Κῦρός εἰμι ὁ Καμβύσου ὁ τὴν ἀρχὴν Πέρσαις καταστησάμενος καὶ τῆς Ἀσίας βασιλεύσας. Μὴ οὖν φθοιῆσης μοι τοῦ μνήματος.

«Человек, я – Кир, сын Камбиза, установивший царство для персов и властвовавший над Азией. Не лишай же меня памятника».

Strabo. XV.3.7: ὦ ἄνθρωπε, ἐγὼ Κῦρός εἰμι, ὁ τὴν ἀρχὴν Πέρσαις κτησάμενος καὶ τῆς Ἀσίας βασιλεύς· μὴ οὖν φθοιῆσης μοι τοῦ μνήματος.

«Человек, я – Кир, приобретший царство для персов и властитель Азии; не лишай же меня памятника».

¹² Berve H. *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. München, 1999. Bd. 2. S. 339.

¹³ Пуломах не был единственным македонянином, пострадавшим за разграбление персидских святилищ. Ранее в Мидии подобной участи удостоились, например, стратеги Клеандр, Ситалк, Геракон. Местные жители и воины обвиняли их в разграблении храмов, гробниц и в беззаконии (Arr. *Anab.* VI.27.4–5).

Plut. *Alex.* 69: ὦ ἄνθρωπε, ὅστις εἶ καὶ ὁπόθεν ἦκεις, ὅτι μὲν γὰρ ἤξεις οἶδα, ἐγὼ Κῦρός εἰμι ὁ Πέρσαις κτησάμενος τὴν ἀρχήν. μὴ οὖν τῆς ὀλίγης <μοι> ταύτης γῆς φθονήσης ἢ τοῦμόν σῶμα περικαλύπτει.

«Человек, кто бы ты ни был и откуда бы ты ни шел, потому что я знаю, что ты придешь, я – Кир, приобретший царство для персов. Не лишай же меня той небольшой земли, что окружает мое тело».

Как видно, по своей структуре эта надпись идентична той надписи, которую приводят Арриан и Страбон. Как и предыдущие, она включает в себя обращение ὦ ἄνθρωπε, называет Кира (ἐγὼ Κῦρός εἰμι) и содержит одинаковую просьбу не лишать покойного этого памятника. Вторая часть надписи, поясняющая основную заслугу Кира при жизни, и у Плутарха, и у Страбона включает причастие κτησάμενος («приобретший»). Арриан использует иное причастие, но вполне созвучное предыдущему: καταστησάμενος («установивший»).

Таким образом, по-видимому, все три пассажа, где цитируется высеченная Александром надпись, восходят к одному источнику. Разве что фрагмент в работе у Плутарха наделен большим драматизмом, благодаря расширенным первой и третьей частям. И очевидно, что отрывки восходят к сочинению Аристубула. У нас нет в распоряжении самого памятника, где эта надпись была бы высечена на греческом или на персидском языках. Более того, не известны и аналогичные по содержанию персидские надписи¹⁴. Единственное, в чем греческая надпись схожа с персидскими царскими надписями, так это в повторении формулы, известной по пасаргадским записям: «Я, царь Кир, Ахеменид» (СМа. Ed. R. Kent) и «Кир, Великий царь, сын царя Камбиза, Ахеменид» (СМб. Ed. R. Kent). К тому же традиционно считается, что древнеперсидский язык как язык надписей ахеменидских царей появился только при Дарии I¹⁵. Само существование указанной персидской и аналогич-

¹⁴ Zournatzi A. Op. cit.

¹⁵ Отсюда следует, что надписи, связываемые с Киrom, были сделаны позже, во время правления Дария: Root M.C. The King and Kingship in Achaemenid Art // Acta Iranica. 1979. No. 19. P. 298.

ной ей греческой записи остается в настоящее время под вопросом¹⁶.

Вряд ли указание на уличение Пуломаха также принадлежит Аристокбулу. Возможно, Плутарх в данном эпизоде использовал либо свидетельства нескольких авторов, либо какой-то один источник, опирающийся на сведения Аристокбула и еще одного неизвестного нам автора.

Теперь, когда стало окончательно ясно, что ограбление гробницы было совершено руками македонян, становится понятным столь упорное молчание магов, не пожелавших свидетельствовать против грабителей, осквернивших священную гробницу, прервавших более чем двухсотлетнюю традицию. Казалось бы, они были непосредственно заинтересованы в том, чтобы виновные понесли наказание. Своим безмолвием стражи гробницы как бы ответили Александру словами Чацкого «а судьи кто?», намекая на то, что бесчинства и разбои, охватившие Персиду и Мидию – отголосок завоевания Ахеменидской империи Александром, повергшим ее в хаос, за что был удостоен в зороастрийской традиции эпитетов «подлый, порочный, грешный и злонаправный»¹⁷. Потому, не добившись от магов никакого ответа, царь был вынужден прогнать их. Александру не удалось примирить восточную религиозную традицию с западной, «богословское объединение» не состоялось¹⁸.

Неизвестно, продолжили ли стражи свою службу после того как в гробнице был наведен порядок и она была опечатана Александром. Скорее всего, охрана памятника продолжилась, но вряд ли она пережила своего покровителя. Через несколько месяцев царь Александр скончается в Вавилоне, а в Персии снова наступит «смутное время».

---

¹⁶ *Zournatzi A. Op. cit.*

¹⁷ Книга о праведном Виразе (Арда Вираз Намаг). Перевод со среднеперсидского (пехлеви), введение и примечания *А.И. Колесникова* // Альманах-дайджест сообщений средств массовой информации, отдельных изданий. Луганск, 1994. Выпуск 5. С. 32–35.

¹⁸ *Израэль Ж.* Кир Великий. С. 232.